В ресторане, что в Метехи, высоко над Курой-рекой, свободных мест не оказалось. Но разве это остановит Дато Панквелашвили, для которого слова «нет» не существует, во всяком случае в Тбилиси, да и в Москве тоже! Ресторанный шеф тут же велел внести дополнительный столик, причем поставить его так, чтобы пришедшим открывался хороший вид на эстраду.

Дато принимал московского гостя, с которым вместе, еще в советское время, учились в московском экономическом вузе. С полученным дипломом Дато уехал к себе в Кутаиси, сильно там бедствовал, без средств, без работы, наконец, в конце девяностых с одной небольшой сумкой поклажи вернулся в Москву, уже новую, лужковскую, барахольную. К этому времени его друг Гусенцов сумел создать немалую разветвленную фирму, а потому легко помог однокурснику стать на ноги, организовать предприятие по сбыту чего-то, скопить капитал, достаточный, чтобы купить несколько шикарных квартир, а теперь строить гостиницу в Тбилиси, держать ресторан в Батуми, прибрать виноградники с собственным виноделием в Кахетии.

Как принимать столь дорогого гостя? Конечно, по высшему разряду — а значит в задушевной обстановке грузинского семейного застолья, с ужинами в старинных дворцовых залах при певческо-танцевальных ансамблях и эстрадных звездах, а то и в обществе писателей, художников, артистов по выбору, с выездами на пикники в лучших нишах Алазанской долины и горной Рачи. Можно снарядить плот, заставить его столами для друзей, погрузить на плот певчих — и так с песнями сплавляться по Куре через весь город.

Все можно, но сегодня для неспешной мужской беседы (жены позволили им оставить себя дома) Дато выбрал этот ресторан, потому что он знаменит концертной программой с песнями и плясками многонациональной Грузии, причем на хорошем профессиональном уровне. Славится ресторан и хорошей кухней и, само собой, настоящим вином.

— Видишь, какое многолюдье, и каждый день так, место надо заказывать за неделю, — сказал Дато, когда они уселись. — И это в большинстве россияне. Если бы им не нравилось у нас, кто бы поехал?

Гость неспешно оглядывал большой, мест на пятьсот, зал. Гусенцов был в том возрасте, когда моложавость и прыть уже уходят, вместо них в фигуре, в осанке, в выражении лица появляется основательность и солидная серьезность. Одет он был легко, просто, держал во рту свои собственные оригинальные зубы, а вместе с тем с первого взгляда можно было понять, что перед вами человек начальственный и богатый. Об этом говорили холеное, чисто выбритое лицо, его несуетное выражение, модные тяжелые очки с задымленными стеклами, темного загадочного камня перстень.

— У турок народ отнимаете? — наконец отозвался он на слова Дато.

— А зачем народу российскому к туркам ездить, если под боком братская Грузия? И русских здесь любят.

— Когда их уже нигде не любят? Договаривай, не стесняйся.

— Я сказал ровно то, что хотел сказать, Сергей Дементьевич, — примирительно проговорил Дато. — Давай лучше выберем, что есть-пить будем.

Гусенцов поморщился и лениво махнул рукой:

— Снова есть-пить? Да бери, что хочешь, что себе, то и мне. Я по латинской пословице: в Риме веди себя как римлянин. В Грузии я грузин.

Тут же подлетел официант, за десять минут загрузил стол закусками, принес два больших запотевших кувшина — с белым и красным вином.

— Лучшие кварели и вазисубани, — шепнул он. — Какое налить?

Решили начать с красного кварели. Дато, взяв в руки фужер, превознес свою дружбу с дорогим Сергеем Дементьевичем, повстречаться с которым в жизни сам бог судил, назвал все замечательные душевные и деловые качества гостя, пожелал здоровья и многих лет жене и родителям, успеха и процветания его компании, так много делающей для счастья всех россиян. Гусенцов внимал с легкой улыбкой, не особенно вслушиваясь, как что-то дежурное, не заслуживающее внимания. За три дня, что он провел в Грузии, все словоговорения с неумеренными комплиментами и преувеличенными пожеланиями уже успели ему порядочно поднадоесть. Чокнулись, стали пить. Но гость, сделав небольшой глоток, поставил фужер.

— В Москве уже отвыкают, а до вас только дошла эта дикость, — недовольно сказал он.

— Что-что, о чем ты? Вино плохое? — встревожился Дато.

— Да разве поймешь, какое вино, если оно заморожено? Потрогай, как лед, не охлажденное слегка, как положено, а именно заморожено. И это в Грузии, где, как нигде, умели подавать вино. У нас тоже было начали все подряд замораживать, вино, коньяк, едва отучили. А тут...

Дато снова отхлебнул из своего фужера.

— Да, действительно! Почему-то считают, что людям нравится. Эй, дружище, Мамука! — позвал он официанта. — У вас все вино такое холодное? Можешь принести нормальной комнатной температуры? А то у меня гость горло боится застудить. Что делать, певец, знаменитый на весь мир. Узнаешь? У нас выступать будет в опере.

У Дато была своеобразная манера представлять друзей, выдавая их не за тех, кем они были на самом деле, чаще всего завышая по званию и должности. Вот и Гусенцов за эти дни уже был представлен в разных компаниях российским министром — один раз финансов, другой раз почему-то министром почт и связи, потом сенатором и ближайшим другом Путина, и, что уже совсем никуда не годится, генералом ФСБ, реально ведущим всю главную работу по обеспечению российской безопасности и вот теперь приехавшим устанавливать стратегические связи с грузинским руководством, конечно, при исключительном посредничестве самого Дато.

Вино заменили, даже фужеры поставили новые.

— Ну вот, теперь другое дело, — удовлетворенно молвил Гусенцов. — Твое здоровье, Павлович!

Дато любил, когда его называли по отчеству, в русском стиле. Он прожил в Москве лет пятнадцать, говорил почти без акцента, жил там поочередно с несколькими москвичками, но жену-грузинку не бросил и в Россию перевозить не стал, а наоборот сам вернулся в Тбилиси, где у него за это время подросли две дочери и от старшей уже народились внуки.

— Вот ты говоришь, Павлович, — продолжал гость, накладывая себе в тарелку сациви, — вот ты говоришь, что русских у вас в Грузии любят. Легко любить, когда человек приедет с деньгами, чтоб здесь их оставить и потом отчалить домой. А, скажи, много ли осталось здесь русских на жительстве? Вот это показатель! Еще скажи — есть ли у россиянина хоть малейший шанс завести здесь свое дело, как ты в Москве, да и тысячи ваших? И не дворниками работают. Можно мне, скажем, здесь хотя бы ресторанчик открыть, фирменный такой ресторанчик русской кухни под вывеской «Гуляй, Ваня!»? Что скажешь? Нам с тобой друг перед другом темнить нечего. Сам знаешь, мне интересно лишь начистоту говорить.

Дато только усмехнулся на эти слова.

— Врать не стану, не продержится долго твой ресторанчик, даже если ты его назовешь «Заходи, генацвале!» Нет, не сожгут — этого у нас теперь нет. Просто никто к тебе ходить не будет.

— Не нравится русская кухня?

— Не смейся, просто не пойдут и все. И знать не узнаешь, почему, кто не пускает, кто не советует к тебе заходить. Да, соглашусь, такого, как в России, у нас нет. Да и где есть? Вот ты, Дементьевич, со своими капиталами пробовал дело где-нибудь на Западе завести? Очень пустят? Хотели ваши какие-то доходные производства купить в Италии, Германии, Англии — продали им? Нет, не продали. Игрушки, да, покупайте — замки, дворцы, яхты, омертвляйте деньги, просаживайте, тут конкурентов нет. А в дело, нет, не возьмут. Так и у нас. Страна маленькая, много бедных,

а все гордые, все хотят стать богатыми. Это только у России широкая душа. Так выпьем за Россию, Сергей Дементьевич! Пусть у вас все будет хорошо, тогда и у нас будет хорошо. А эти все хмели-сунели, что сейчас творятся, пройдут же когда-нибудь.

Принесли шашлык-мцвади, дымящиеся хинкали, запеченную форель в гранатовом соусе. А доброе вино и у сытого человека пробуждает аппетит.

— Гаумарджос! — молвил в ответ Гусенцов. Ему когда-то сказали, что в Грузии достаточно в нужных случаях говорить «гаумарджос!» и все будут думать, что ты знаешь грузинский язык.

На сцене началось оживление, возникли музыканты, стали настраивать этнические инструменты — пандури, дудуки, чибони, цинцилу, другие интересные штуки, а также аккордеон. Вышли певцы в красивых черно-белых чохах с газырницами и с булатом на поясе. И зазвучала «Сакартвело» — торжественная и печальная песня о родине.

— Вышли грузины в черкесках, заиграли лезгинку, — сказал смеясь Гусенцов.

Дато рассмеялся еще громче.

— Помню, помню, как ты вначале называл наши национальные особенности!

— А ты набычился: «Кто такие черкесы, кто эти лезгины, чтобы могли нам одежду свою дарить и музыку! Знать их не знаю, у нас все свое было, когда этих горцев и в помине не было». Всерьез разозлился. Я тогда еще подумал: «Смотри ты, характер! Надо с ним осторожнее».

Оба от души хохотнули. Сквозь смех, захлебываясь, вспоминали:

— А помнишь, как ты на первом курсе одного нашего студента, между прочим штангиста-тяжеловеса, напугал в кафушке, когда в споре за нож схватился?

— Ну да, а нож-то тупой, столовский, да еще в соусе. Ты мне тогда и говоришь: «Дато, что ты, этот нож для резни не годится, надо его хотя бы продезинфицировать. А лучше сходи на кухню, возьми у повара настоящий, которым мясо разделывают». Я чуть не лопнул от смеха, еле сдержался.

— Но тому дураку хватило, больше не возникал.

— Какой там! Потом на меня боязливо косился, разговаривал вежливо. Пусть знают грузина!

— Ты и меня на первом курсе напугал. Помнишь, с нами на курсе училась Кизимова, чеченка или лезгинка, бог ее знает. Милая, тихая такая девушка, скромная. Как-то стоим мы с тобой в коридоре, она подходит с кульком пирожков сладких и давай нас угощать. Я, конечно, взял, а ты в сторону отвернулся и будто не слышишь. «Бери, Дато», — говорит она. «Спасибо, не буду!» — отвечаешь ты, и так неприятно, сердито. Чего ты, спрашиваю, когда она отошла, зачем обижаешь девушку? «Они моих предков резали, грабить из-за хребта приходили, а я теперь буду с ней пирожки кушать!» Я аж поперхнулся. Вот, думаю, дает, а как же дружба народов!

— Да смеялся я, шутил, изображал свирепого кавказца. Неужели не понял?

— Ну и шутки у тебя были!

— Кто старое вспомянет...

— Гаумарджос!

Разговор прервало объявление ведущего — и на сцену выбежали

танцоры в темно-бордовых нарядах, в мягких сапожках. Мтиулури — танец Кахетии. Под стремительно-вихревую музыку мужчины метались резко, стремительно, соревновались, разбившись на группы, в ловкости, искусности движений, владении оружием. Девушки в ангельской белизне платьев легко и проворно кружились, примагничивая к себе взоры, вызывая споры и вихревые схватки джигитов. Потом хевсуры явились в черных костюмах, плясали с мечами и щитами в руках. Их танец — сплошная рубка, огонь, бой, в котором и шатаются от ран, и падают сраженными, и вновь поднимаются для победы и торжества. Но всякую схватку прекращает тихо и нежно вступившая на сцену женщина, бросившая между яростными барсами свой белый платок...

Наши друзья не усидели за столом, подошли ближе к сцене, смотрели стоя. И вернулись за стол с объявлением перерыва.

— Хочешь, Дато, я тебе одну умную вещь скажу, только ты не обижайся, — начал Гусенцов, берясь за налитый бокал, с интонацией комедийного киногероя. — Хорошо вот так сидеть, вино пить, хинкали кушать — и смотреть, как перед тобой сваны и хевсуры поют и пляшут за деньги. И хорошо пляшут, чувствуется — все настоящее, с гор, из древности, освящено временем. Только ведь, пойми меня, не для этого те песни и танцы слагались. Ими звали на бой, прославляли героев, родное гнездо, оплакивали павших. В час беды звучали они и в час торжеств. Не зря ведь все танцы с оружием в руках или на поясе — потому что, отплясав перед своими стариками и женщинами, показав им свою удаль и мастерство, уходили за перевал сражаться и умирать. И вот здесь, в ресторане, среди сытых, хмельных людей... все это изгаживается, меркнет. Это, извини, как бисер метать... Посмотри, сколько пьяных, налитых... Им бы что-нибудь простенькое под винцо. А тут гимны, эпос, история — на продажу, на панель, потому что так выгодно хозяину ресторана. У него национальной гордости нет. И все гибнет, стирается, превращается в эстрадные номера, в эти... как их? В шлягеры, и еще хуже. Понимаешь ты меня?

Дато потянулся к другу, ласково приобнял его за плечо.

— Уважаю я тебя, Дементьевич, за то, что ты вот всегда так серьезно обо всем думаешь. И говоришь откровенно. Это мне нравится. Но, знаешь, расслабляйся ты иногда. И с лошади хомут снимают, чтоб побегала, порезвилась. Что плохого, если люди на танцы наши посмотрят? Где они их еще увидят? У нас всегда на свадьбы, на любой праздник певцов и танцоров приглашают. Оттого и не забыты эти песни.

А тем временем на сцене произошла полная ротация — народных музыкантов сменили эстрадные, вышла раскрашенная певичка, и началась обычная ресторанная мура, одинаковая в Москве и Одессе, в Сочи и Тбилиси. Круг перед сценой заполнился танцующими. В перерывах между номерами ведущий оглашал поздравления «дорогого гостя из Москвы», «уважаемого Гиви», «красавицы Софико» с днем рождения. После каждого объявления звучала, простенькая, как чириканье, песенка Happy Birthday to You.

Послушали, помолчали, поели. Но вскоре Гусенцова потянуло к прежнему разговору.

— Вот ты говоришь, Павлович, что Грузия одним туризмом спасется, все у нее для этого есть — природа, древности, национальный колорит, чистый воздух, и можно безбедно прожить без промышленности, науки, без животноводства и интенсивного земледелия, чтобы не загрязнять землю. Хорошо! Но есть тут один деликатный момент. Сами не за-

метите, как из нации земледельцев и мастеров, кинематографистов и ученых превратитесь в ораву официантов, лавочников, горничных и всякую другую обслугу. А то и проституток — спрос рождает предложение. И что останется от грузинской мечты? Какие песни станете петь? Исчезнет самоуважение, любовь к старине, к церкви, вместо традиций — их бутафория, подделка, характер народа измельчает. Ты видел это сам в некоторых странах — жалкое зрелище! Конечно, официантов или прислугу в гостинице можно нарядить в хевсуров с кинжалом и патронташем, но в душе-то они будут лакеями, готовыми на все ради чаевых. Ты думал об этом?

Дато наливал вино и лишь добродушно буркнул в ответ:

— Зачем мне думать, дорогой, когда ты о нас думаешь!

Чокнулись, на этот раз почему-то с жадностью осушили бокалы до дна. А со сцены снова звучало Happy Birthday to You.

— Вот скажи, — Гусенцов кивнул на эстраду, — почему с днем рождения здесь поздравляют по-английски? Что, своих песен нет, уже забыли? Вот и началось то, о чем я сказал. Национальное уходит, заменяется чипсами. Кстати, какой песней раньше в Грузии поздравляли именинников?

Дато остановился закусывать и с пирогом в руке уставился на Гусенцова.

— Э, в самом деле, какой? — растерянно проговорил он. — Я что-то забыл, давно не был на именинах. Эй, дорогой, Мамука!

Подошел официант.

— Мамука, не знаешь нашей грузинской песни, чтобы поздравить с днем рождения?

Тот картинно задумался, подняв глаза к потолку.

— Нет, не припомню.

— Тогда вот что, — распорядился Дато. — Пойди к эстрадникам, скажи, чтоб сыграли моему гостю грузинскую песню-поздравление. Только чтоб настоящую, старинную, не буги-вуги! Грузинскую! Вот передай.

Он сунул в руку Мамуки красивую дорогую бумажку. Тот ушел, видно было, как он долго что-то объяснял музыкантам, потрясал руками. Вернулся:

— Не знают, говорят, не играют. Могут исполнить...

— Пошли они знаешь куда! — вскипел Дато. — Какие они грузины!

Он схватился за телефон, кого-то вызвал, стал шумно говорить, почти кричать по-грузински, при этом «день рождения» повторяя на русском.

— Обещали узнать, — сказал, бросая телефон на стол.

Минут через пятнадцать ему позвонили.

— Так, узнали? Как, как называется? Хорошо, будь на связи, расскажешь сейчас музыкантам.

Официант отнес телефон на эстраду. Ведущий взял аппарат, слушал, кивал головой. Мамука вернулся с улыбкой.

— Обещали узнать, разучить.

Дато стал совсем хмурый, насупился.

— Ничего не умеют. Вот грузины! Пойдем лучше подышим, на город посмотрим.

Они вышли из зала на просторную веранду. На улице уже стемнело, веяло нежной прохладой. Подошли к балюстраде. Внизу, метрах в трехстах, чернела река, за нею освещенной стояла скала с Метехским храмом

и конным памятником. Дальше блестела живыми движущими огнями машин набережная, еще подальше озаренная Мтацминда с телебашней.

Удивительно, что в такой жаркий вечер на веранде никого не было. Мамука вынес им кувшин с вином, бокалы, виноград, поставил на столик.

Не хотелось ни о чем говорить больше, только смотреть и смотреть на лежащий внизу город, на выступающие из темноты древние его улицы и храмы. И молча, крупными глотками, пить вино.

Долго так стояли, потом растроганный Гусенцов приобнял Дато, поцеловал его в щеку:

— Хорошо! Пусть вот всегда так будет: лето, ночь, Метехи, мы с тобой на горе, молодые еще, пьяненькие... жить хочется.

— Аминь! — ответил Дато Панквелашвили.

РАССКАЗ В СТИЛЕ «ФУЭТЕ»

Осенью, едва открылся сезон, Москву тряхнуло. В Театре на балетном спектакле, в конце первого действия, танцор Пробежкин уронил партнершу Бояркову со всей высоты поднятых над головой рук. Бояркова стукнулась бедром, не смогла продолжать танец и, прихрамывая, уковыляла за кулисы. По бедру расплылся синяк, балерина стонала, капризничала и решительно отказывалась выходить на сцену, несмотря на ясно выраженные сожаления администратора и самого виновника. Стали искать замену, та примчалась, но на всю канитель ушло больше часа, так что спектакль был, как говорят в театрах, «решительно исперчен».

И это бы еще ничего. Но вышла огласка, в театр набежали репортеры, и Пробежкин заявил одному из них в свое оправдание, что Бояркова стала неподъемной, что с такой фигурой не в классическом балете, а в кабаре плясать, что все ее партнеры измучились от непосильных нагрузок и что лично он будет просить не ставить его больше в пару с ней. Пробежкин, конечно, не сам собой осмелел — в театре давно были недовольны Боярковой, а худрук Стоеросовас, выписанный года три тому назад из-за границы, искал повод избавиться от заносчивой девицы, мало почитавшей, как ему мнилось, его талант постановщика и не разделявшей его новаторских устремлений.

Бояркова в долгу не осталась. Она воображала, что все еще пребывает в лучах славы, что публика носит ее на руках и не уронит, как тот растяпа, а поддержит и защитит в любом споре, хотя бы и с самим Стоеросовасом.

Балерине охотно предоставили время на телевидении. А крупным планом Бояркова, следует признать, еще пригляднее, чем на сцене. Чистое удлиненное лицо, естественно-золотые волосы, полные губки, а главное, распахнутые жемчужно-серые, тепло светящиеся глаза делали ее неотразимой. Говорить и держаться перед объективом танцовщица тоже умела. Интервью получилось оглушающе-звонким. Пройдясь всего одной-двумя фразами по обидчику («у него же ноги козлиные дрожат и руки от бессилия мокрые!»), Бояркова взяла театрального быка за рога.

— Почему-то никто не смеет видеть, что происходит в театре с приходом Стоеросоваса. Он же губит его! Вот он-то как раз и превращает театр в кабаре, да нет, хуже того, в кабак со стриптизом. «Онегина» видели в его постановке? Там же гости Лариных все перепились, бьют посуду, валяются на полу, мочатся в угол. Ольга вскакивает на стол канканировать,

а Онегин с Ленским на дуэли не стреляются, а хлещут друг друга жареным гусем. Стоеросовас этот — и что вы с ним носитесь? — ненавидит все русское, Чайковского презирает, сладкая, говорит, вода на киселе, а ставит, чтобы обгадить. На гастролях в Дании мне так и говорили: «Теперь мы понимаем, почему Пушкина вы убили». Мы убили! Да и новаторство у Стоеросоваса липовое, ничего не стоящее, хохма пустяшная, балаган. На Ромео и Джульетту джинсы напялил, по мобильникам треплются, пиво из жестянок пьют, Ромео под балконом Джульетты мастурбирует — много ли ума надо придумать? А рецензенты как сговорились: «Смело! современно!» На Дездемону зазвал старую толстую негритянку из Америки, а Отеллой назначил белобрысого Тринько, тщедушного, чтобы все кувырком. Эта негритянка-Дездемона в конце душит Отеллу из ревности. А Яго — агент то ли Коминтерна, то ли нынешнего ФСБ, не разобрала. Но инструкции из Москвы получает, у него задание организовать Венецианскую народную республику и отделить ее от Италии. И опять в прессе сопли-вопли! Чем дурнее, тем смешнее. А уж что творится в театре за кулисами, и не расскажешь — сексотство и проститутство. Вот такой хотя бы случай...

На другое утро Рената Бояркова проснулась с острым ощущением славы. Шесть лет блистала она в балете — и заслужила несколько невнятных рецензий, тупых отписок в специальных газетах и журналах, которые никто не видит и не читает. А тут! Не было, кажется, ни одной газеты в Москве, чтобы не поместила изложение интервью с ее фотографиями. С телевидения посыпались предложения поучаствовать в ток-шоу, в одном, в другом, в третьем. Стоеросовас перестал здороваться, при всех объявил ее «нерукопожатной» (словцо в Москве подхватил!), снял с «падучей» роли и посоветовал сесть на диету. Зато к опальной балерине тут же подкатили продюсеры из театра «Вертеп», ставившего «альтернативный балет», эротически-полнокровный и сочный, в противовес «тощему и фригидному». Рената, конечно, понимала, что после такого, прости господи, театра вернуться в классику будет сложно, но и другого не оставалось. Стоеросовас откровенно ее выживал, в травлю включились товарки, вахтер и тот гусаком шипел вслед. А «Вертеп» за нескучное искусство ножками помахивать предлагал жалованье в пять раз больше прежнего. И пришлось перенаряжаться, пуанты менять на шпильки, пачку на разноцветные трико и юбочки из перьев.

Зато пляски в «Вертепе» давали возможность блеснуть моделью на подиуме в Париже, поохотиться на балетоманов с финансовыми авуарами во всесезонном сафари. Столько вокруг всякого добра — денег, бриллиантов, ресторанов, вилл, замков, островов, и ничегошеньки не стоят, улыбнись и бери. Один наряжает Ренату византийской царицей, в тяжелой золотой парче, в венце и соболях восседает она на троне — только бы ему ползать у ее ног, исполнять капризы, глядеть по-собачьи в глаза, получать ее ножкой пинки. Другой купает в ванне, доверху наполненной розовым жемчугом. Третий соблазняет кругосветным плаваньем на собственной яхте, космическим полетом, совокуплением в условиях невесомости. Бояркову называют теперь «балерина плюс», она кандидат в мэры Москвы, она начинает петь, затмевая, по словам рецензентов, прежних эстрадных звезд. Столица возбуждается от слухов: «Беглый олигарх купил Боярковой Главный театр. Стоеросоваса буквально вынесли за дверь и бросили в грязь. Бояркова берет на себя художественное руководство театром».

Вздор! В «Вертеп» является Богохульников и обещает перевернуть весь балет. Он только что из-за границы. Он знает, как надо. Бояркова тоже знает, что надо, чтобы приручить дерзкого патлатого юношу и остаться царицей. Увы, Богохульникову от нее ничего не нужно. Он любит женственных юношей и тощих уродливых девиц с кривыми ножками-спичками. На репетициях теперь адреналиновая музыка, модная мультипликационная пластика. Звучат команды «стреляйте ногами!», «завязывайся узлом!», «меняй зад на перед!», «вывихивайте суставы!». Костюмы — фантазии на темы гермафродитов: она — в черных чулках, но без трусов и бюстгалтера, он — в короткой розовой юбочке. Вертеп превращается в Содом. Красавице Ренате в нем нет места.

От тоски она принимает приглашение поклонника поехать с ним на безлюдные острова приаравийских морей. Продюсеры советуют ей устроить там как можно более откровенную фотосессию, чтобы предстать перед миром в облике выходящей из вод новой Афродитой, способной взбить ножками любую пену. Вместе с любовниками на остров высаживается лучший фотохудожник столицы.

На бескрайних белых пляжах страны Махайон проводят время ищущие уединения редкие мизантропы-миллиардеры да природные шейхи. Здесь поющие пески, недвижные пальмы, гуляющие у водоемов павлины и серны, вечерами в ресторане тягучие знойные песни и воинственные пляски бедуинов. Спиртным же нельзя подсластить жизнь — только кальян, зеленый чай и щербет.

Но какая нега валяться на белом песке! Купаться на драгоценных камнях и многоцветных раковинах, половина которых с жемчужинами! Ощущать себя в джаннат — первозданном раю! Но как легко его потерять, даже не успев вкусить манящих плодов! Едва Рената обнажилась для съемки, только стали придумывать для нее соблазнительные позы, как на пляже возникли, словно из-под земли, джинны, представившиеся службой охраны трезвости и целомудрия.

Рената надеялась, что их вышлют из страны Махайон со скандалом, лучше, если международным. Самое превосходное, чтобы ее, как она слышала, по закону шариата отхлестали на площади плетью — то-то было бы торжество, шумиха, протесты парламента и департамента, всемирный вой правозащитников, громыханье политиков, показ по всем существующим в мире телеканалам и возвращение с невиданным триумфом в Москву! А там уж поездки, каскад турне, мировые столицы, пресс-конференции, съемки, приглашения, приемы, собрания и банкеты в ее честь, мемуары, фильмы, гонорары, премии...

Но правитель страны шейх Зийаб ибн Шахбут аль-Махайон решил по-другому. Когда к нему пришли с докладом, он брезгливо отодвинул принесенные снимки и молвил: «Всевышний каждому дал глаза смотреть, но в благости своей дал и веки, чтобы закрывать глаза, когда не хочется видеть. Те, что живут без закона, греха не имеют. Пусть делают все им свойственное на огороженной территории, но чтобы не смущать правоверных, не выпускайте их из загона».

□ □